

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С КИБЕРКОММУНИКАТИВНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

В начале XXI века широкое распространение получило общение в социальных сетях, таких как «LinkedIn», «MySpace» и «Facebook».

При всей их простоте, значимости, социальные сети до сих пор подвергаются жёсткой критике.

Так, постепенно виртуальное общение стало заменять общение в реальной жизни. Виртуальное общение даёт возможность самореализоваться, при этом, не прилагая практически никаких усилий, почувствовать себя тем, кем хочется быть [39, с.121]. Таким образом, основным фактором, влияющим на формирование зависимости от общения в социальных сетях, является несформированная личность.

Формирование личности завершается только к концу подросткового возраста [39, с.167], данный факт в совокупности с особенностями проявления возрастного кризиса делает подростков наиболее уязвимыми к киберкоммуникативной зависимости.

Поэтому актуальным является вопрос об использовании такой формы общения и проведения досуга детьми и подростками. Социальные сети оказывают серьезное влияние на подростков [86, с.54]. Проведение большого количества времени в социальных сетях негативно влияет на их развитие.

Таким образом, ведущие для подросткового возраста учебная и коммуникативные виды деятельности вынужденно переносятся в интернет-пространство. Все чаще живое общение заменяется общением в социальных сетях, форумах, чатах и видеоконференциях. В итоге это может привести к изменениям в мыслительных процессах.

Вопрос развития мышления в подростковом возрасте занимал центральное место в работах многих учёных-психологов. В частности, Л. С. Выготский и Ж. Пиаже в своих исследованиях уделяли проблеме развития мышления в подростковом периоде особое внимание.

Основным этапом развития мышления в этом возрасте является освоение детьми процесса формирования понятий, конечной целью которого выступает высшая форма интеллектуальной деятельности, а также выработка принципиально новых способов поведения. Так, Л. С. Выготский называл главным принципом всех интеллектуальных изменений, происходящих в подростковом возрасте, именно функцию образования понятий [38, с.214].

Процесс формирования понятий берет своё начало в глубоком детстве и представляет собой итог продолжительной когнитивной и практической деятельности индивида, результат его мыслительной деятельности. Стоит отметить, что для детей раннего дошкольного и младшего школьного

возраста свойственно мышление в понятиях-комплексах и синкретическое мышление. Формирование мышления в настоящих понятиях у детей происходит лишь в подростковом периоде под влиянием образовательного процесса, ведущего к освоению теоретической базы точных и гуманитарных наук [276, с.89].

Процесс образования понятий неотделим от формирования речевых навыков, так как напрямую взаимосвязан с семантикой слов. Так, Л. С. Выготский полагал, что слово служит номинацией не какого-либо определённого, единственного предмета, а целой группы предметов. Соответственно, каждое отдельно взятое слово выступает в качестве скрытого обобщения. Обобщение же, в свою очередь, представляет собой словесный акт мышления. Таким образом, значение слова оказывается обобщённым отражением действительности, следовательно, значение является результатом мыслительного акта. И так как между словом и понятием образуются сложные взаимосвязи: понятие обозначается словом и, в свою очередь, не может без него существовать, равно, как и слово без понятия – можно заключить, что понятие, ядром которого выступает полученное в результате мыслительного акта значение слова, является особым содержанием мыслительной деятельности [393, с.91].

Со временем подросток осваивает значения довольно абстрактных и сложных понятий, таких как: «сознание», «обязательство», «цель», «чувства», «алгоритм», «ложь», «сотрудничество», «стратегия», «истина», и других. Это открывает новые границы предметной области мышления, развивая сознание подростка, делая его более пластичным [394, с.143].

Подросток осваивает мышление на уровне формальных операций.

Специфика формальных операций:

- на этапе формальных операций подросток способен определять закономерности и планомерно исследовать факторы, которые предопределяют конкретное событие или явление;
- приобретают способность дифференцировать форму и содержание знания;
- формируются на основе конкретных операций;
- данный тип мышления носит абстрактный характер;
- использование формальных операций при осуществлении процесса познания, указывает на развитие логической формы мышления.

Одним из главных атрибутов абстрактного мышления выступает оперирование понятиями, обеспечивающее понимание принципов течения мысли в ходе собственной познавательной деятельности.

Абстрактное мышление подростков характеризуется сформированностью следующих способностей:

- группировка и градация переменных гипотетико-дедуктивным путём;
- продуцирование гипотез о влиянии переменных между собой;
- учёт множества комбинаций переменных в операции поиска решения проблемы [71].

Последователи информационного подхода сравнивая особенности развития мышления подростков и младших школьников, отмечают следующие различия:

- формирование исполнительских функций более высокого ранга, включая планирование, принятия решений;
- демонстрацию более высокой гибкости в подборке методов реализации всех функций из широкой базы схем и сценариев;
- использование более сложных стратегий для поиска решения разных интеллектуальных, мыслительных задач;
- использование эффективных методов приёма информации, а также хранение ее в памяти в символической форме;
- более продуктивное применение механизмов переработки информации, таких, как сохранение в памяти и перенос в другую ситуацию [73, с.76].

Мышление подростков младшего возраста, 11-12 лет, согласно концепции Ж. Пиаже, протекает в форме конкретных операций. Данная стадия развития мышления характеризуется способностью к логическим операциям, однако они все ещё остаются на уровне конкретных. Речь идёт о таких конкретных элементах, как объекты, в частности их отношения или размеры, операции, а именно вычитание или сложение, а также свойства и правила, отображающие способы их реализации. Начало формирования логического мышления характеризуется тем, что ребёнок обретает способность понимать связи между объектами и объединять их в классы, выстраивая иерархические структуры. Тем самым, дети начинают осознавать, как часть относится к общему, общее к частям и как выстраиваются отношения между частями единого целого [86, с.173].

Старшие же подростки, 12-15 лет, находясь на этапе формальных операций, в ходе образовательного процесса овладевают на логическом уровне основными мыслительными операциями: анализом, синтезом, обобщением, сравнением, абстрагированием, систематизацией, классификацией [113, с.114].

Кроме того, во время подросткового периода осуществляется усовершенствование трёх форм мышления: умозаключения, размышления и рассуждения [42, с.92]. Так Ж. Пиаже отмечал, что размышления подростков выходят на новый уровень абстракции, приобретая более отвлечённую форму. Абстрактно-логическое мышление представляет собой отдельный вид мыслительной деятельности, сущность которого

заключается в оперировании понятиями и логическими конструкциями. Соответственно, рассуждения подростков становятся логически выстроенными, все чаще они начинают использовать абстрактные понятия, не зависящие от конкретных предметов [159, с. 318].

Возникновение абстрактно-логического мышления влечёт за собой не только развитие интеллектуальной сферы, но возникновение качественно новых соответствующих потребностей. Подростков начинают интересовать отвлечённые темы, в которых они могут совершенно не разбираться, но посвящать этому целые общеподобные споры. Этот новый этап развития, на котором абстрактная возможность, не имеющих никаких ограничений кроме логических, становится увлекательнее и важнее действительности [276, с.61].

Однако, говоря о подростковом развитии в среде, опирающейся все больше и больше на глобальную сеть, невозможно не игнорировать ее влияние на психические особенности подростков. Объем информации, с которым сталкивается интернет-пользователь, огромен. Причём, помимо целенаправленно запрашиваемой информации, он вынужденно сталкивается с информацией побочной, такой как реклама или же контекстные сообщения, что нередко приводит к переключению внимания. Кроме того, стоит отметить, что в подростковом возрасте как таковой отбор информации из общего информационного потока пользователями не производится. Зачастую большое количество социальной информации превышает возможности ее переработки, анализа и интерпретации [393, с.22].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что изменения затрагивают такие психические процессы, как память, внимание, аналитическое мышление. Психологи полагают: люди, проводящие большую часть времени в интернет-сети, утрачивают способность длительной концентрации внимания и самостоятельного вычленения основных мыслей, что неизменно ведёт к трудностям в восприятии объёмных текстов. Что касается подростков с киберкоммуникативной зависимостью, то у них возникают сложности с фокусировкой внимания, выделением главного, а также с критическим отношением к поступающей информации: нарушаются логические связи между частями информации, полученной из разных источников, при попытке объединить их в одно целое. Сеть интернет делает подростков рассеянными и поверхностными, заставляет их испытывать постоянную потребность в получении новой информации. При этом важным становится не качество, а количество, так как зачастую подростки не успевают, или даже не стремятся обрабатывать входящий поток информации [368, с.37].

Основной единицей представления информации в интернет-пространстве является гипертекст: это всевозможные электронные энциклопедии, компьютерные и социальные сети, веб-сайты. Гипертекст

есть своего рода переплетение документов и текстов, имеющих перекрёстные ссылки. Таким образом основным способом построения информационного контента в сети интернет выступает система элементов, слабо связанных между собой. Являясь базовой характеристикой интернета, гипертекст разрушает причинно-следственные и пространственно-временные связи. Как следствие, у школьников и учащейся молодёжи возникают изменения когнитивных способностей: снижение способности к анализу, логическому мышлению, сосредоточению и восприятию линейной последовательности информации не только на веб-страницах, но и в реальном потоке речи, книжном тексте. Отсутствие аналитического осмысления постоянно поступающей и сменяющейся информации ведёт к снижению способности к творчеству и образованию [361, с.96].

Ряд современных исследователей предлагают использовать термин «клиповое мышление» для характеристики происходящих под влиянием информационно-коммуникативных технологий изменений мыслительных процессов [361, с.53]. Одним из первых в отечественной науке этот термин стал употреблять доктор философских наук Ф.И.Гиренок. Он отмечал снижение роли понятийного мышления в современном мире и замену его мышлением клиповым, стремительно усиливающим свои позиции [159, с.47].

Отечественный психолог Т.В.Семеновских предлагает понимать под клиповым мышлением «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов без учёта связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [307, с.221].

Э.Офир и К.Насс, исследователи Стэнфордского университета, занимались изучением мышления подростков, осуществляющих параллельное выполнение от двух до шести действий в онлайн-среде: общение в Facebook, просмотр электронной почты, электронные игры, чтение и написание коротких сообщений и прочее. Результаты данного исследования показали, что всего 3% испытуемых удавалось эффективно совмещать многочисленные потоки информации, справляясь с многозадачностью. Остальные же 97% испытывали затруднения в осуществлении продуктивной интеллектуальной деятельности. У них наблюдалась необходимость в непрерывном поиске принципиально новой информации даже в тех ситуациях, когда требовалось воспользоваться уже известными для них сведениями.

Психологи установили, что подростки, прибегающие к многозадачности, испытывают проблемы с фиксированием информации в кратковременной памяти, часто страдают переключением внимания, не способны разграничивать главное и второстепенное и не могут

сконцентрироваться на выполнении одного действия, так как им трудно отказаться от склонности к постоянному параллельному выполнению нескольких задач даже в не требующих этого ситуациях [333, с.71]. Л. Стоун считает, что многозадачность способствует формированию частично непрерывного внимания [71, с.98].

В. Латышев, руководитель Центра образовательной кинезиологии, полагал, что постоянное обращение к Интернет-ресурсам, а также излишнее перемещение актов коммуникации из режима реального общения в онлайн-пространство социальных сетей постепенно приводит к избеганию социума, снижению инстинкта самосохранения, за счёт ослабления чувства опасности, ухудшению памяти, изменению мышления: оно становится односторонним, снижается образность. Кроме того, происходит сужение периферического зрения, затрудняется ориентация на фиксированный источник звука, и, как следствие, снижается кинестетика – преимущественная ориентация на информацию, полученную по зрительному каналу без вовлечения других органов восприятия. Так, 2 часа работы за компьютером на 7% снижают активность головного мозга, а через 4 часа этот показатель достигает уже 20% [73, с.21].

Некоторые исследователи отмечают значительное уменьшение обращений к первоисточникам с целью извлечения необходимой информации и увеличения частоты использования дайджестов, синопсисов, кратких изложений. Таким образом, постепенно исчезает необходимость самостоятельного вычленения основных мыслей и поиска запрашиваемых ответов в больших объёмах текста. Теряют свою актуальность такие виды деятельности как реферирование, конспектирование, компрессия текста [393, с.61].

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод: киберкоммуникативная зависимость в подростковом возрасте приводит к снижению аналитического мышления, а также к трудностям выполнения таких мыслительных операций, как анализ, синтез, сравнение и обобщение. Киберкоммуникативная зависимость приводит к препятствованию полноценного речевого общения, социального взаимодействия, что может выражаться в социальной отчуждённости, а также мешает нормальному формированию личности.

Целью данной работы являлось исследование особенностей мышления у подростков с киберкоммуникативной зависимостью.

Для достижения поставленной цели нами решались следующие задачи:

1. Изучить особенности соотношения вербального и невербального компонента мышления у подростков с киберкоммуникативной зависимостью;
2. Выявить особенности операций анализа и синтеза у подростков с киберкоммуникативной зависимостью;

3. Определить уровень абстрагирования у подростков с киберкоммуникативной зависимостью;

4. Провести сравнительный анализ особенностей мышления экспериментальной и контрольной групп;

Объектом исследования являлись особенности мышления подростков с киберкоммуникативной зависимостью.

Предметом исследования являлись невербальный и вербальный компонент мышления, уровень операций анализа и синтеза, уровень абстрагирования у подростков с киберкоммуникативной зависимостью.

Исследование проводилось в online режиме. В экспериментальной группе, состоящей из пятнадцати подростков с киберкоммуникативной зависимостью, находящихся в возрастной группе от 14 до 15 лет. И в контрольной группе, состоящей из пятнадцати здоровых подростков, находящихся в возрастной группе от 14 до 15 лет.

Сравнительный анализ данных, полученных при исследовании особенностей мышления здоровых подростков и подростков с киберкоммуникативной зависимости дал следующие результаты:

На рисунке 1 представлено процентное соотношение правильных ответов по сериям в тесте «Шкала прогрессивных матриц» Равена у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

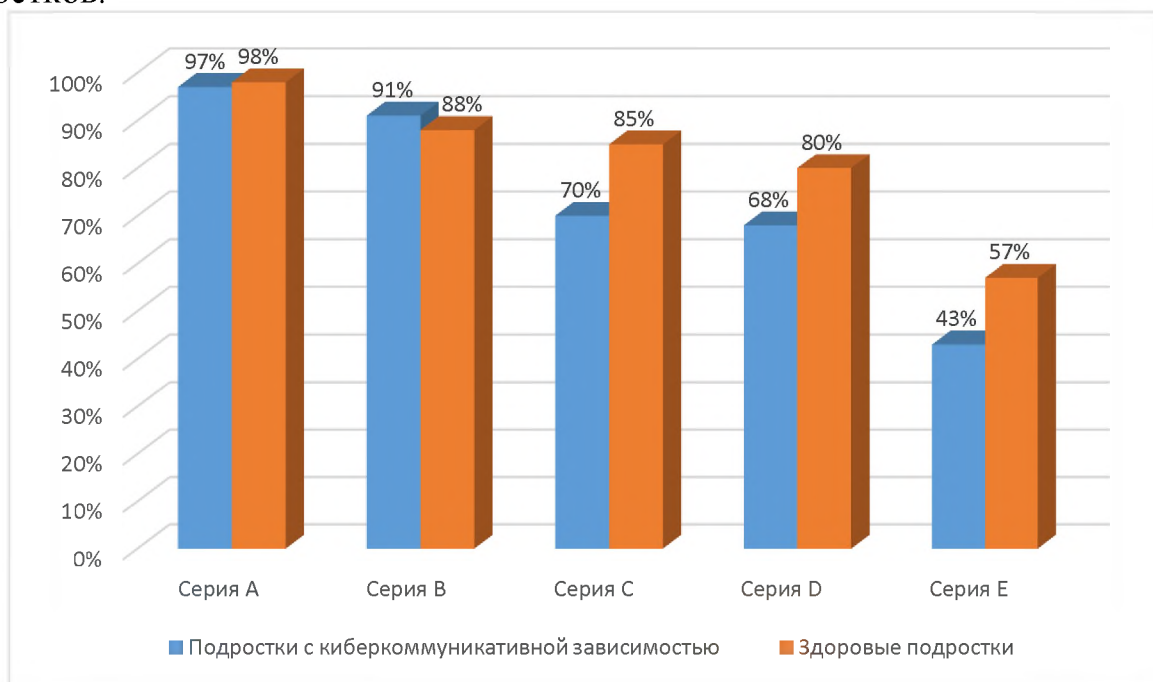

Рис. 1 – Сравнение процентного соотношения правильных ответов теста «Шкала прогрессивных матриц Равена» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Для получения исчерпывающего результата обратимся к более детальному анализу ответов, полученных при проведении теста «Шкала прогрессивных матриц» Равена среди респондентов обеих групп, по каждой

серии отдельно. Так, сравнивая результаты экспериментальной и контрольной групп по серии А, мы видим приблизительно равное соотношение правильных ответов. Это говорит о том, что для обеих групп характерен высокий уровень внимательности, воспроизведения исходного образа предмета в новом смысловом контексте, а также способности создания на основе мысленного преобразования целостного образа и способности разделять при этом в восприятии схожие объекты.

По серии В мы видим незначительное отклонение результатов, которое продемонстрировала контрольная группа, от чуть более высоких результатов группы экспериментальной. Наиболее вероятно, это свидетельствует о том, что здоровые подростки, не чувствуя значительного усложнения заданий из серии В по сравнению с серией А, увеличивают скорость выполнения матриц, что неизбежно приводит к снижению уровня внимательности. В целом же можно говорить о том, что респонденты обеих групп показали достаточно высокую способность проведения дифференциации путём разделения образа на составляющие части и прослеживания принципа взаимосвязи этих частей в симметрически выстроенное целое по аналогии.

По серии С мы наблюдаем резкое уменьшение количества правильных ответов, полученных в экспериментальной группе, связанное с субъективно ощущаемым подростками значительным усложнением матриц. Это говорит о том, что у подростков с киберкоммуникативной зависимостью в отличие от здоровых подростков отмечается снижение способности всестороннего динамического наблюдения, а также прослеживания поэтапного преобразования фигур при смене их пространственной ориентации.

По серии D мы видим примерное сохранение не только количества правильных ответов у подростков с киберкоммуникативной зависимостью, но и разницы между правильными ответами экспериментальной и контрольной групп. Однако при этом происходит снижение показателей у здоровых подростков. Это говорит о том, что для обеих групп задания из серии D оказались более затруднительными, но подростки с киберкоммуникативной зависимостью показали усреднённую способность принимать решение на основе операции анализа качественных и количественных признаков трансформации объекта и выявления закономерности их использования.

По серии E мы видим значительное падение результатов в обеих группах. При этом разница между количеством правильных ответов у здоровых подростков и подростков с киберкоммуникативной зависимостью остаётся примерно одинаковой. Однако если респонденты контрольной группы продемонстрировали усреднённый результат, то у респондентов экспериментальной группы он оказался ниже среднего. Это говорит о том, что у подростков с киберкоммуникативной зависимостью возникают

выраженные сложности в осуществлении процессов анализа и синтеза, а также наблюдается снижение уровня абстрактно-логического мышления.

Также, при проведении статистического анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни невербального компонента мышления по результатам теста «Шкала прогрессивных матриц» Равена у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков, в нашем исследовании были выявлены достоверные различия по следующим сериям: серия С ($p=0,001$), серия D ($p=0,007$), серия E ($p=0,004$), – что подтверждает все вышеизложенное.

На рисунке 2 представлено процентное соотношение результатов по субтесту «Истории с завершением» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

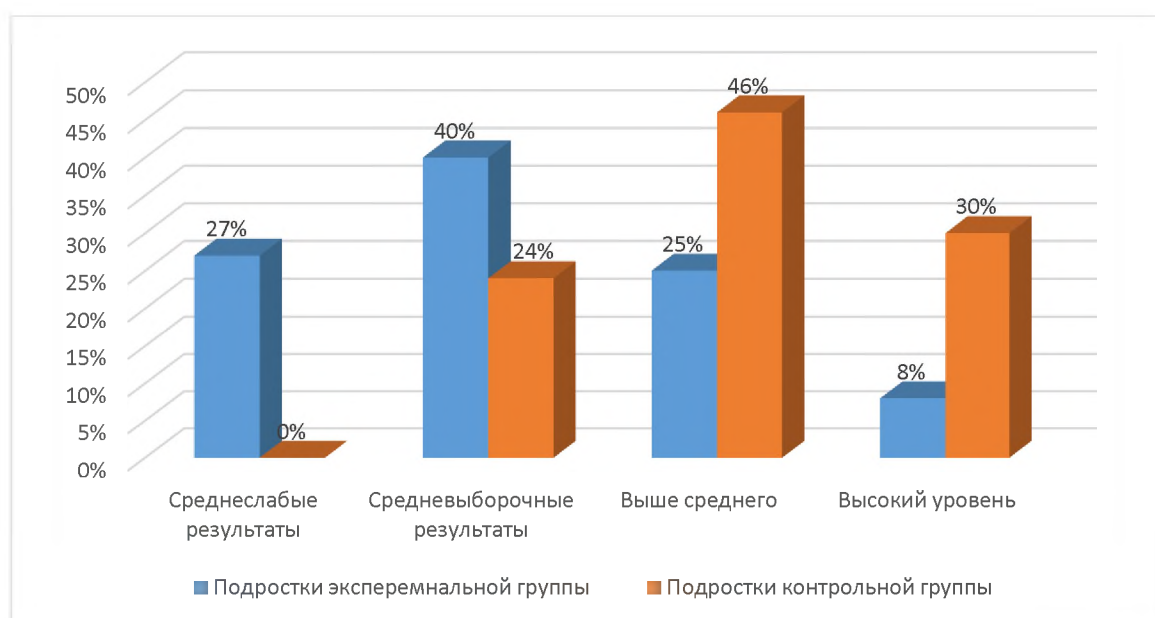

Рис. 2 – Сравнение процентного соотношения правильных ответов по субтесту «Истории с завершением» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Для получения исчерпывающего результата обратимся к более детальному анализу ответов, полученных при проведении теста «Социальный интеллект» Гилфорда среди респондентов обеих групп, по каждому субтесту отдельно. Так, сравнивая результаты экспериментальной и контрольной групп по субтесту «Истории с завершением» мы видим наибольшее количество ответов среди здоровых подростков соотносится с результатом выше среднего. Среди подростков с киберкоммуникативной зависимостью наибольшее количество ответов соотносится с результатами средневыборочными. Кроме этого, 27% ответов приходится на среднеслабый результат, в то время как среди подростков контрольной группы такой результат не показал никто. Это говорит о том, что подростки

экспериментальной группы показывают среднюю, а порой и сниженную способность распознавания невербальных способов общения, используемых участниками коммуникации. Тем самым, подростки с киберкоммуникативной зависимостью испытывают трудности при расшифровке невербальных сообщений.

На рисунке 3 представлено процентное соотношение результатов по субтесту «Группы экспрессии» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

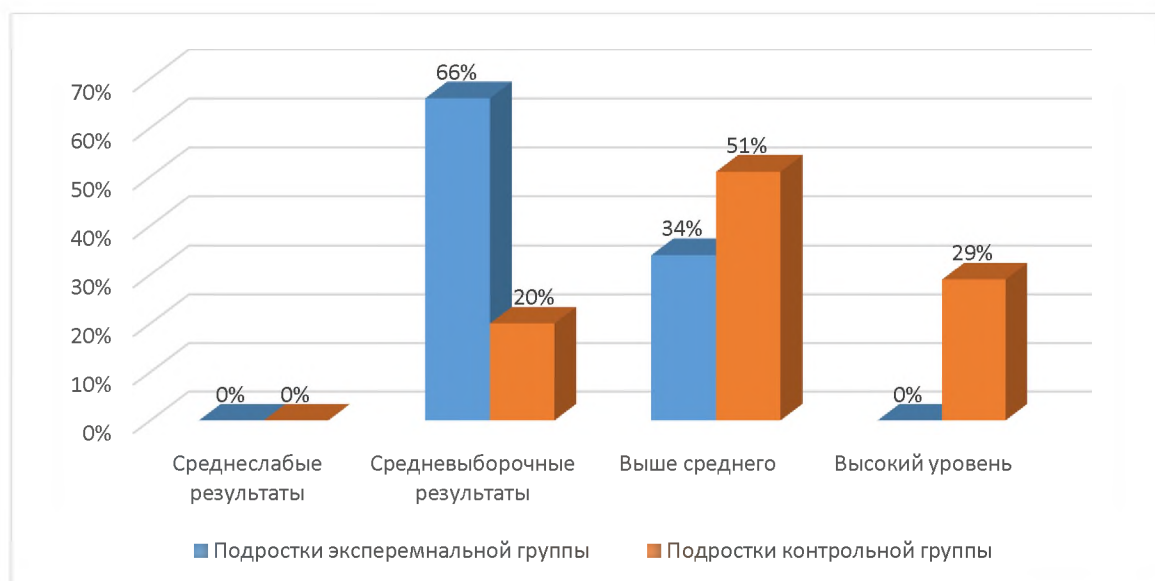

Рис. 3 - Сравнение процентного соотношения правильных ответов по субтесту «Группы экспрессии» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Сравнивая результаты экспериментальной и контрольной групп по субтесту «Группы экспрессии» мы видим, что наибольшее количество результатов ответов здоровых подростков остаётся на уровне выше среднего. При этом подавляющее большинство ответов, полученных в экспериментальной группе, приходится на средневыборочный результат. Кроме того, среднеслабый результат не показала ни одна группа, а высокие результаты смогла продемонстрировать только контрольная группа. Это говорит о том, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью плохо считывают невербальную информацию, опираясь на вербальную составляющую коммуникации, что приводит к ошибкам в понимании смысла сообщений.

На рисунке 4 представлено процентное соотношение результатов по субтесту «Истории с дополнениями» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

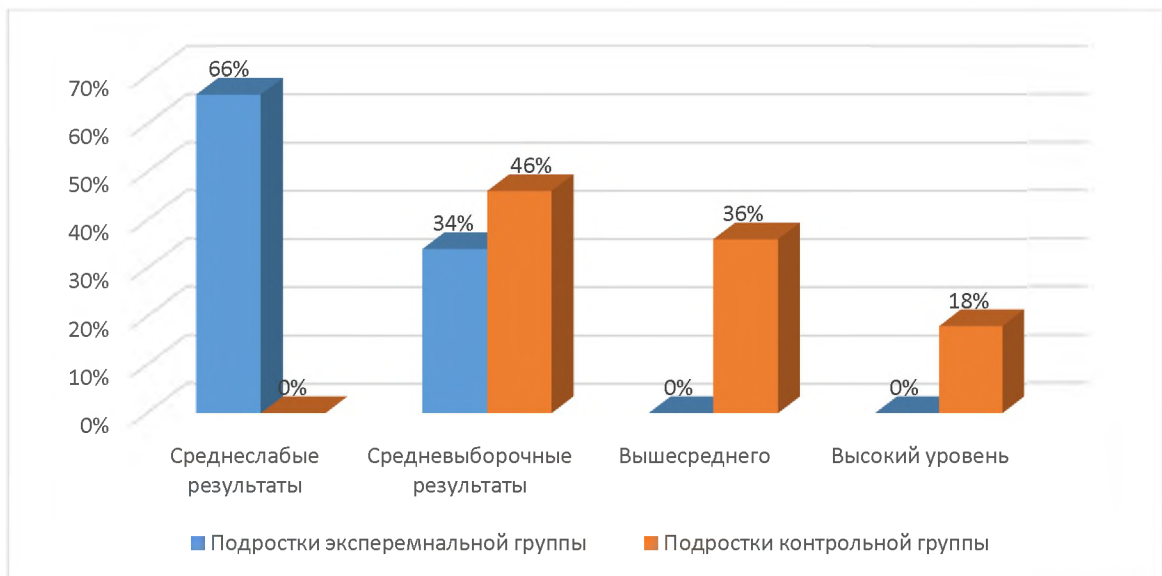

Рис. 4 - Сравнение процентного соотношения правильных ответов по субтесту «Истории с дополнениями» в тесте «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Сравнивая результаты экспериментальной и контрольной групп по субтесту «Истории с дополнениями» мы видим, что наибольшее количество результатов ответов здоровых подростков смещается в позицию среднеслабых результатов. При этом уровень средневыборочных результатов, преобладающих в экспериментальной группе значительно выше. Это говорит о том, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью демонстрируя сниженную способность к расшифровке невербальных сообщений, испытывают трудности в выстраивании причинно-следственных связей, логических умозаключений и прогнозировании.

При проведении сравнительного анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни невербального компонента мышления по результатам теста «Социальный интеллект» Гилфорда у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков, в нашем исследовании были выявлены достоверные различия по следующим субтестам: «Истории с завершением» ($p=0,012$), «Группы экспрессии» ($p=0,005$), «Истории с дополнениями» ($p=0,001$).

Таким образом, статистически была установлена разница между уровнем невербального компонента мышления у экспериментальной и контрольной групп.

На рисунке 5 представлено процентное соотношение из общего числа суждений методики «Сравнение понятий» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

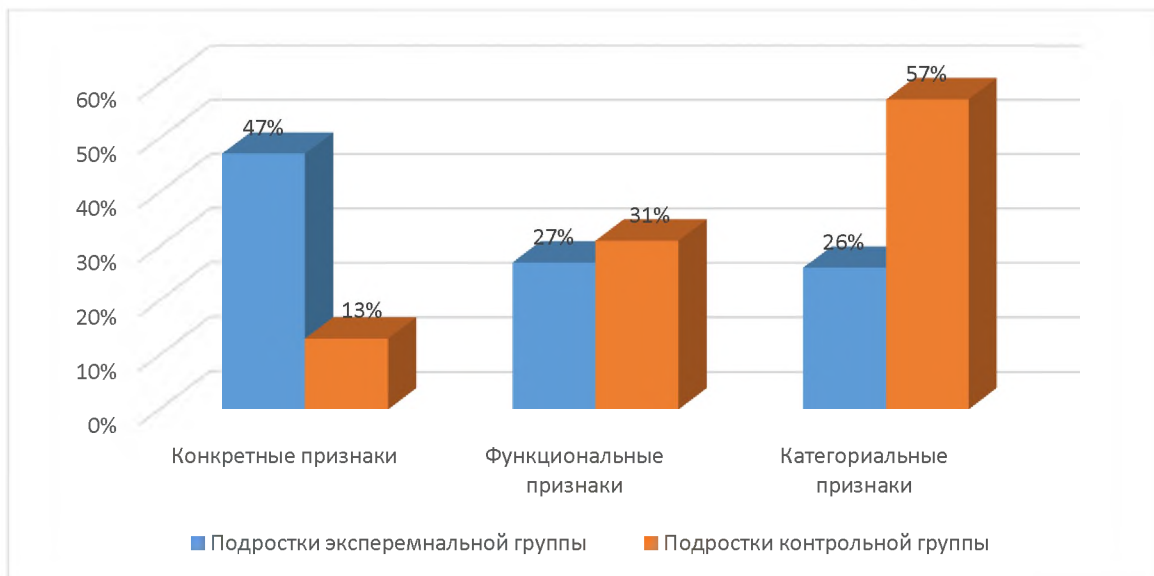

Рис. 5 – Сравнение процентного соотношения из общего числа суждений методики «Сравнение понятий» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Интерпретируя результаты исследования, полученные в контрольной и экспериментальной группах, мы установили, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью проводят сравнительный анализ с опорой в большей степени на конкретные признаки сопоставляемых объектов. В то время как здоровые подростки оперируют в большинстве случаев признаками категориальными. Это говорит о том, что подростки экспериментальной группы, устанавливая наличие или отсутствие взаимосвязи между предметами и явлениями, опираются на внешние, поверхностные признаки, не рассматривая при этом взаимодействие их с другими сопоставляемыми предметами и явлениями, проявляющееся в признаках внутренних. Тем самым мы получаем сравнение предметов на упрощённом схематичном уровне.

При проведении сравнительного анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни операций анализа и синтеза на основе применения методики «Сравнение понятий» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков, в нашем исследовании были выявлены достоверные различия по следующим признакам: конкретным ($p=0,001$), категориальным ($p=0,002$).

4. Сравнительный анализ данных, полученных при исследовании операций анализа и синтеза на основе применения методики «Исключение предметов» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

На рисунке 6 представлено процентное соотношение из общего числа суждений методики «Исключение предметов» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

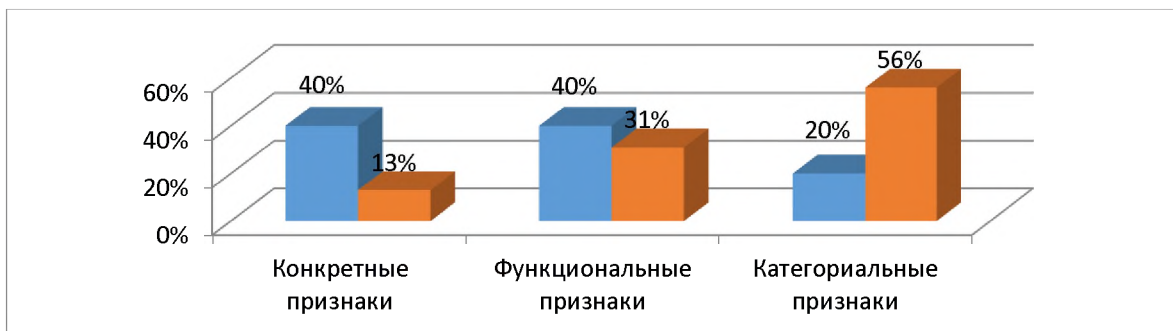

Рис. 6 – Сравнение процентного соотношения из общего числа суждений методики «Исключение предметов» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Интерпретируя результаты исследования, полученные в контрольной и экспериментальной группах, мы установили, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью проводят обобщения с опорой в большей степени на конкретные и функциональные признаки. Здоровые же подростки в большинстве случаев опираются на признаки категориальные. Это говорит о том, что подростки экспериментальной группы демонстрируют сниженную способность к обобщению на основе вычленения наиболее существенных признаков предметов. Часто при выполнении данной мыслительной операции респонденты экспериментальной группы пользуются ситуационными признаками, что в их возрасте не должно являться исчерпывающим. Здоровые подростки выходят на более значительные уровни обобщения.

При проведении сравнительного анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни операций анализа и синтеза на основе применения методики «Исключение предметов» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков, в нашем исследовании были выявлены достоверные различия по следующим признакам: конкретным ($p=0,001$), функциональным ($p=0,021$), категориальным ($p=0,001$).

На рисунке 7 представлено процентное соотношение категорий образов в методике «Пиктограммы» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Интерпретируя результаты исследования, полученные в контрольной и экспериментальной группах, мы установили, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью при выполнении задания чаще всего пользуются конкретными образами, в то время как здоровые подростки отдают предпочтение образам атрибутивным. Конкретные образы, полученные от респондентов экспериментальной группы, представляют собой сценopodobные, похожие на фотографические карточки с участием человеческих фигур. У подростков понятия ассоциировались с конкретной ситуацией, которую они пытались изобразить. Тем самым, выражая понятие прямо и конкретно.

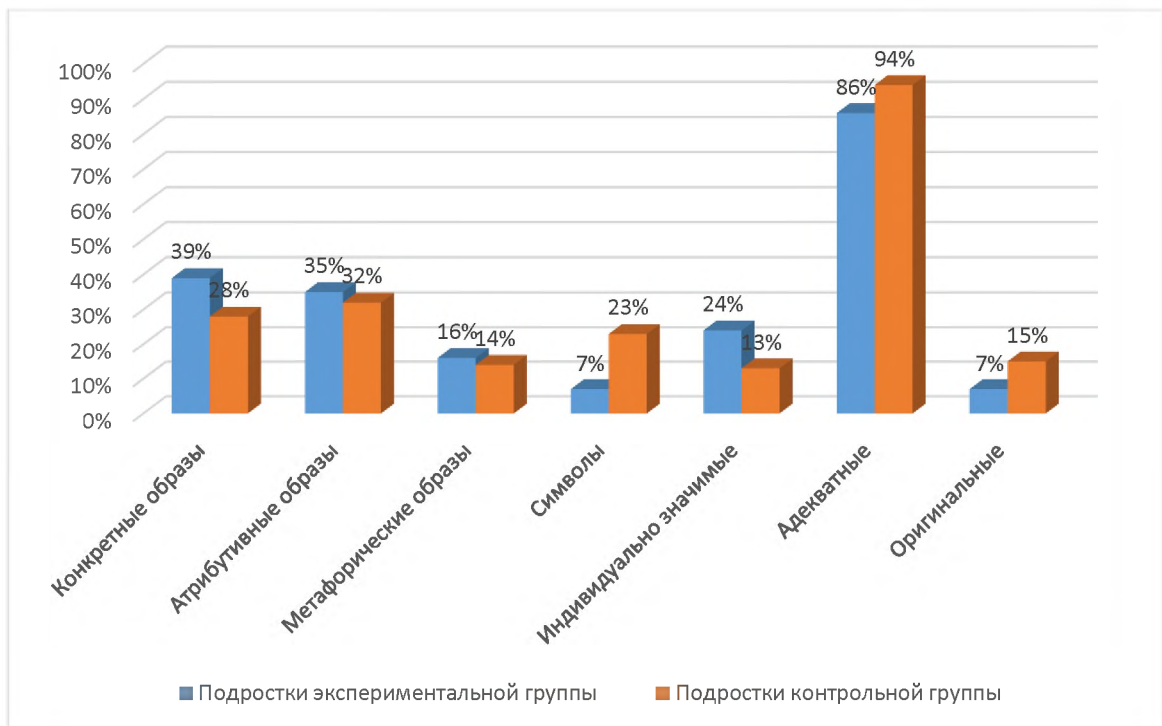

Рис. 7 – Сравнение процентного соотношения категорий образов в методике «Пиктограммы» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков.

Наряду с конкретными образами респонденты экспериментальной группы также часто пользовались образами атрибутивными. Как правило, атрибутивные образы подбираются согласно принципу принадлежности, основанном на выстраивании причинно-следственных связей между понятием и изображаемым образом. Однако в отличие от здоровых подростков, которые стремились отойти от прямого изображения того или иного понятия, выстраивали элементарные логические связи и на выходе выдавали предметные образы, подростки с киберкоммуникативной зависимостью часто пользовались так называемыми «смайлами». Смайлы представляют собой штампы, общепринятые застывшие выражения различных эмоций и являются неотъемлемым атрибутом общения в социальных сетях. Смайлами заменяют целые слова, выражения, а также демонстрируют предполагаемому собеседнику эмоции оппонента.

Однако часто мы сталкиваемся с тем, что смайлики становятся своего рода способом маскировки истинных чувств и настроений, что можно увидеть по диаграмме частотности использования символов метафорических. У подростков с киберкоммуникативной зависимостью они встречаются несколько чаще, относительно подростков здоровых, что по мнению С. В. Лонгиновой является проявлением «отгороженности, нежелания показывать свой внутренний мир». Эти образы, по сути, напрямую ничего не говорят о личных проблемах испытуемого, не являются зафиксированным воспроизведением никакой конкретной ситуации частной жизни. У респондентов контрольной группы метафорические образы встречаются несколько реже и представляют собой изображения

развёртывания метафор или значения пословиц, взятых из прошлого опыта. Подростки экспериментальной группы зачастую прибегают к метафорическим символам, которые создаются по ходу исследования. Такие образы мы относили к оригинальным и как правило они оказывались неадекватными по содержанию. Встречаемость оригинальных образов среди здоровых подростков оказалась примерно в 2 раза выше, наибольшее число которых были адекватными по содержанию.

Что касается образов графических, то мы видим значительное смещение позиций: символы среди результатов респондентов контрольной группы встречаются приблизительно в 3 раза чаще, чем у респондентов группы экспериментальной. Символ является по своей сути высоким уровнем абстракции. Посредством графических образов содержание понятия передаётся наиболее экономично, но при этом достаточно ёмко. Символы, изображённые здоровыми подростками, подобно метафорическим образам, зачастую были напрямую взяты из прошлого опыта. Те символы, которые были получены от подростков с киберкоммуникативной зависимостью, не отражали сущности того или иного понятия. Интерпретация подобных графических символов и дальнейшее воспроизведение понятия по зафиксированному образу оказывались затруднительными даже для самих подростков.

Если мы рассмотрим категорию индивидуально-значимых образов, то увидим, что среди подростков с киберкоммуникативной зависимостью такие пиктограммы встречаются примерно в 2 раза чаще. Примечательно то, что для изображения абстрактных понятий респонденты экспериментальной группы часто пользовались метафорическими символам, сдерживая таким образом проявление собственной индивидуальности в тех местах, где это казалось для них очевидным. Но по итогу каждый 4-й образ оказывался индивидуально-значимым. В большинстве своём такие образы были взаимосвязаны с простыми понятиями и попадали в категорию конкретных. Это можно объяснить тем, что внешне конкретные понятия не могут выступать в качестве носителя личностных переживаний, соответственно поэтому у подростков с киберкоммуникативной зависимостью не происходило включение защитных механизмов. Стоит отметить, что среди метафорических образов индивидуально-значимые также встречались, однако значительно реже, чем среди конкретных.

При проведении сравнительного анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни уровня абстрагирования на основе применения методики «Пиктограммы» у подростков с киберкоммуникативной зависимостью и здоровых подростков, в нашем исследовании были выявлены достоверные различия по следующим признакам: конкретным ($p=0,002$), функциональным ($p=0,008$), графическим символам ($p=0,001$).

Таким образом, в ходе проведения сравнительного и статистического анализа было выявлено и доказано, что у подростков с киберкоммуникативной зависимостью наблюдается снижение невербального компонента мышления, уровня операций анализа и синтеза, а также снижение уровня абстрагирования относительно здоровых подростков.

Система профилактических мер, направленных на предупреждение киберкоммуникативной зависимости среди подростков, не должна полностью исключать пользование интернет-ресурсами из жизни школьников, а способствовать формированию у каждого из них самоконтроля и самоанализа. Подросток должен научиться самостоятельно понимать, как и в каком объеме он может тратить временные ресурсы в сети, а также извлекать максимальную пользу из тех возможностей, что предоставляет технический прогресс, для самореализации в реальной жизни.

Кроме того, как мы уже обсуждали ранее в настоящее время обострение проблемы киберкоммуникативной зависимости среди подростков связано с эпидемиологической обстановкой. Следовательно, проблема исследования влияния интернет-аддикции на мышление детей подросткового возраста требует дальнейшего комплексного изучения, с целью получения исчерпывающего научного результата.